

Дмитрий Хворостовский: «Не знаю, кто поет в красноярской опере»

23 ноября 2011

На сцене красноярского Большого концертного зала **в рамках гастролей по России и Украине** выступил народный артист России Дмитрий Хворостовский. За день до концерта один из величайших баритонов современности встретился с красноярскими журналистами.

Последний раз вы были в Красноярске два года назад. Почему так долго не приезжали?

Два года — это понятие относительное. В принципе, это недавно было, тем более, в то же самое время года. Как будто и не уезжал. Для меня всегда счастье быть на родине и петь перед вами. У меня достаточно программ, идей, настроения, чтобы с вами чаще делиться. Всегда рад видеть на своих концертах, репетициях студентов. Это наиболее ценно для молодых людей, тем более специалистов, которым это нужно и должно слушать. Помню, когда в наше время в Красноярске дважды приезжал Святослав Рихтер, в абсолютно заполненном Малом зале он разрешал сидеть даже на сцене. Более того, Святослав Теофилович хотел, чтобы кто-то из нас перелистывал ноты на пюпитре, и выбрал меня. Я очень испугался, отказался, о чём сейчас жалею. А тогда страшно было очень. Никогда не забуду этих вечеров! К нам приезжало очень много великих музыкантов, это

была прекрасная практика. Поэтому я приезжаю в Красноярск и хочу, чтобы все мои лучшие коллеги, музыканты, артисты также приезжали.

О белых медведях в центре Красноярска

Вы много путешествуете по миру — наверное спрашивают о Сибири. Что вы рассказываете?

Прежде всего, я говорю о людях. Люди в Сибири, в Красноярске сильные, прямые, честные, держат своё слово. Если что-то делают, то тихо, без крика «Вот, смотрите! Это я делаю!» Это сибирский характер. Спрашивают про медведей на улицах, я отвечаю: «Знаете, у нас в Красноярске медведи по центру города ходят, причём белые». Некоторые верят. Ну о чём ещё говорить с такими людьми?

Вы певец мира. С какой нацией вам комфортнее жить и работать?

Сам по себе я закрытый, интровертный человек, я не тусуюсь. Сейчас я с вами разговариваю, а закончится пресс-конференция — закроюсь в себе и больше никого не хочу видеть, независимо от национальности. Так я устроен. Где мне комфортнее? Там, где живу. Я живу в Лондоне уже много лет, там моя семья, мой дом, там я очень редко бываю, туда хочу вернуться.

О себе и Большом театре

Ваше впечатление от открытия Большого театра?

В целом акустика хорошая, зал красивый, там много золота, блестит всё. На открытии было много политиков, большая тусовка. Но для меня было очень почётно участвовать в концерте, тем более, что пригласили единственного русского певца. И я с удовольствием принял это приглашение, мало того, я с удовольствием приму другие приглашения от администрации Большого театра участвовать в чём-то. Пришло время, когда я должен быть в Большом театре. Мне кажется, я смогу быть ему полезен. Тем более, все эти годы у меня всегда был творческий отчёт в Москве, в Санкт-Петербурге. К сожалению, оперу, в которой я добивался и добиваюсь наибольших успехов, показать русской публике для меня нет никаких возможностей. Мне очень жаль, что эту мою работу видят только те,

кто способен выехать за рубеж. Очень хотелось бы, пока я ещё могу, пока в силе, пока нахожусь на пике карьеры, показать её всем, прежде всего, в Большом театре.

Сейчас обсуждается скандальная премьера оперы Глинки «Руслан и Людмила» в Большом театре. Что вы можете сказать об этом?

К сожалению, не видел, но мой менеджер и друзья были на премьере, и отзывы негативные. Во-первых, это пятичасовая опера, и надо сильно её любить, чтобы столько высидеть. Я бы не смог. Её нужно петь очень хорошо, а Глинку труднее всего петь, я стараюсь избегать этого композитора. Оперная музыка эклектичная, а тут ещё режиссёр Дмитрий Черняков постарался сделать из этого какую-то клубничку. В принципе, это детская сказка, «Руслан и Людмила», а детям там находиться нельзя. Но поскольку не видел сам, ни осуждать, ни хвалить не могу. Считаю, что Большой театр достоин быть не только лабораторией — может быть, даже выдающегося оперного режиссёра или музыканта-дирижёра. Он должен быть не репертуарным театром, где состоит определённая труппа, а настоящим .

О талантах и поклонниках

Дмитрий Александрович, как вы оцениваете большой зал красноярской филармонии после ремонта?

Даже не представлял, что в этом зале можно комфортно петь. Он всегда был не акустическим. Мне очень приятно, что у вас появился Большой концертный зал, который акустически работает не только на симфоническую музыку, но и для нас, для певцов. Вполне приличный зал, немного суховатая акустика, но, думаю, она звучит гораздо лучше не на сцене, а в зале, как и должно быть. На сцене нормальное театральное ощущение, как будто ты поёшь в театральном зале. Когда сухой зал, поёшь, и все огрехи видно. Я только что был в Омске, где также был реставрирован зал филармонии — потрясающий зал! Он меньше красноярского, там сделаны специальные звуковые карманы, которые в зависимости от направленности концерта меняются, делают акустику более жёсткой или более лёгкой. Рад за Красноярск, потому что всегда слежу и горжусь любыми успехами моих земляков. Я очень рад за вас!

Вы видите различие, к примеру, между сибирской и американской публикой?

Публика разная и одинаковая. Как и ты — разный и одинаковый, но каждый раз, выходя на сцену, я другой. Соответственно, реакция публики не может быть одинаковой. Это как дважды войти в одну и ту же воду. Да, здесь меня больше любят, по-русски понимают, здесь мой родной город, здесь меня знают, может быть осуждают, но это не важно, потому что выходя на сцену, артист, в принципе, начинает с нуля. И никакие заслуги и регалии не имеют никакого значения. Человек должен пройти этот путь от начала до конца, как он проходит по жизни, чтобы найти контакт со зрителем, сделать его сопереживающим тому, что происходит на сцене. Это тяжёлый, как жизнь, путь.

Знаете, говорят, что публика — дура, но я так не считаю. Публика имеет свои привычки, свою инертность, но она выше, чем ты или кто-то о ней думает. И вот когда ты это знаешь, то ориентируешься на самое лучшее исполнение, какая бы публика ни была — русскоязычная или нет. С программой песен военных лет был большой мировой тур по Европе, Америке, Мексике, Канаде. Я выступал с Государственным эстрадным оркестром Армении под управлением Константина Орбеляна и хором Академии хорового искусства. Мы дали около 17 концертов. Большинство людей ничего не знает о войне — ни в Мексике, ни в Канаде, ни в Штатах. Но в конце каждого концерта люди вставали и аплодировали со слезами на глазах. Искусство — это то, чего мы каждый раз добиваемся на сцене.

О массовой культуре и экспериментах

Будет ли когда-нибудь опера массовым искусством?

Опера никогда не будет массовым искусством. Это для подготовленных людей, которые знают, понимают, любят этот жанр. Конечно, условности оперы простого человека, пришедшего с улицы, способны шокировать или привести в некое замешательство, вызвать смех. Вышли на сцену лысый пузатый человек с такой же тётенькой и, закатывая ручки и глазки, начинают петь громкими голосами, напрягаясь и потея, друг другу о любви. Человек с улицы начнёт смеяться. Но это можно сделать достаточно органично. Когда пузатый человек Паваротти открывал рот, люди через некоторое время, закрывая или открывая глаза, понимали, что его голосом, может быть, вещает Бог или ангел. Я забывал полностью о внешних данных этого великого певца. Любое искусство делает

человека лучше, заставляет его думать, любить, страдать. Это не жевательная резинка, к которой я причисляю популярные жанры, которые просты, красивы, эротичны, легки для восприятия, но не способны сделать тебя лучше, как классическое искусство, в том числе опера.

Как вы относитесь к экспериментам?

Опера — это ещё и театр, а современный театр движется вперёд. Оперный театр меняется, видоизменяется. Где-то ставятся эксперименты. В Германии, к примеру, их ставится больше. Иногда они бывают несколько преувеличенными и упрощёнными. Почему-то считается, что если переодеть героев в современные костюмы, а ещё лучше — их раздеть, тогда будет интересно. Но это не делает лучше само исполнение. Как правило, в таких театрах работают артисты среднего уровня, которые на это пойдут, не будут роптать. Это театры, где режиссёр, поглаживая себя за ухо, экспериментирует, как посчитает нужным. Бывает, что это приводит к интересным результатам, но мне кажется, все от этого уже устали.

Об опере на большом экране

Как вы относитесь к экранизации оперы?

Считаю, за этим будущее. Опера из-за массовости кинематографа от этого только выиграет. У многих людей появляется возможность видеть и слышать это не из театрального зала, а отснятым на прекрасной аппаратуре, с великолепно поставленным светом, особенно в виде прямой трансляции. Я на себе это ощущал много раз. Относительно недавно пел в «Трубадуре» в «Метрополитен-опера» — трансляция последнего спектакля велась по всему миру. Во время трансляции

у меня брали интервью, и мой менеджер Лиза Вагнер предложила передать колумбийцам привет по-испански, что я и сделал, а на следующий день прилетел в Боготу, в Колумбию. Люди меня узнавали на улицах, говорили спасибо за то, что я сумел передать привет. Был огромный ажиотаж. Кто не смог попасть на концерт, набились в зал, где я проводил мастер-класс, чтобы только поглазеть на того, которого недавно видели в кинозалах и во время трансляции на площади. Сейчас во многих городах, в том числе Москве и Санкт-Петербурге, ведутся переговоры, чтобы трансляции в кинозалах имели место быть. К сожалению, мы потеряли час из-за перехода на зимнее время всего мира, но есть возможность передавать это в записи. Это прекрасная практика.

Вам не предлагали выступить в Красноярской опере?

Мне бы до Большого театра добраться! А на родину хотя бы с концертом приехать. Может быть, настанет время, но, честно говоря, я бы лучше с собой кого-нибудь привёз и показал вам. Я уже никого не знаю, кто поёт в красноярской опере. Те, с кем я начинал, уже на пенсии.

О друзьях-композиторах

Как вы определяете жанр вашего творческого альянса с композитором Игорем Крутым?

Это музыковедам лучше определять. Мне кажется, что мы здесь открыли что-то новое в жанровом смысле. Этот проект очень дорогой, он живёт, мы его регулярно показываем. Недавно с этим концертом были в Ташкенте, в Астане. В Нью-Йорке и в Москве проходили концерты. Сейчас Игорь пишет музыку для другого проекта. Крутой настолько плодовит, что мои предложения о том, чтобы задействовать из того, что уже написано, отвергает, хотя у него уже есть море музыки в разных стилях.

Вы долгое время дружили с маэстро Колобовым. Кого из нынешних дирижёров вы могли бы назвать своим другом?

Много лет дружу, работаю, поклоняюсь Валерии Гергиеву. Считаю, что это величайший музыкант нашего времени, просто глыба. Для меня этот человек абсолютный авторитет, божество. Это человек, который успеваает одновременно

делать столько, что другим недоступно. Наверное, его мозг устроен, как у женщины. Он многостаночник, может одновременно делать несколько абсолютно несовместимых вещей, не теряя нитей. Это женщина может ехать за рулем, красить губы и разговаривать по мобильному телефону. Так и Гергиев. Однажды стал свидетелем, как он делал одновременно пять вещей: я стоял на сцене, он дирижировал мной и оркестром, перед ним была не партитура, а написанный от руки клавир другой тональности, наушник в ухе, он разговаривал со своим агентом по телефону, и тут же бегал композитор, написавший эту музыку, с которым он тоже общался. Такое можно увидеть только в фантастических фильмах, лично я на такое не способен!

**Наталья Сангаджиева, [красноярский краевой портал KrskPlus.ru](http://krskplus.ru)
Фото Сергея Черных**